

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 588.986

Correo
Central B.
ArgentinaFRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

AÑO XI

Buenos Aires, Jueves, 23 de abril de 1959

Буэнос Айрес, четверг 23 апреля 1959 года № 482

И. Солоневич

МОНАРХИЯ

Монархия является не только формой правления, типически свойственной русской национальной идее, но точкой концентрации всех творческих национальных сил.

Наше движение отмечает вопрос об абсолютной самодержавной или ограниченной монархии — как вопрос чисто схоластический. Ни абсолютной, ни самодержавной монархии никогда в истории мира не было и быть не может. Может быть самодержавие гения, не связанного с монархией, как Наполеон и Гитлер, или связанного с монархией, как Петр I. Но всякие гении преходящи, как преходяща отдельная человеческая жизнь. Монархия есть принцип, далеко выходящий за пределы отдельной человеческой жизни.

Московская монархия ни в каких конституциях не нуждалась по той простой причине, что, идя во главе общего течения национальной жизни, она на своем пути встречала не попытки ограничения, а всяческую поддержку основных сил русского народа. Эти силы были заинтересованы никак не в ограничении, а только в усилении роли монархии. Церковь, купечество, тогдашнее дворянство и крестьянство неизменно приходили на помощь монархии во все моменты ее неустойчивости. Дворянство московской эпохи было служилым элементом, московской технократией. Роль позднейшего дворянства тогда выполняли князья и княжата. Опричнина и Смутное время были двумя революциями против этого слоя: опричнина — революцией сверху, Смутное время — революцией снизу.

После смерти Петра I монархия попала под дворянский арест с угрозой смертной казни в случае неповиновения правящему слою. Монархия девятнадцатого века не сумела повторить опричнины и была увлечена гниением и гибелью дворянского правящего слоя. Монархия будущая мыслима только и исключительно, как общенародная монархия, идущая нога в ногу с новым правящим слоем, то есть с русской национальной интеллигенцией.

В порядке иерархии земных ценностей наше движение ставит на первое место Россию, потом монархию, потом династию, потом отдельных членов династии. Идеальным, но от нас мало зависящим выходом из сегодняшней катастрофы было бы гармоничное сочетание династии с историческими нуждами России и с современными требованиями сегодняшнего века.

Наше движение пытается и будет пытаться создать общественную атмосферу, которая ликвидировала бы пустоту, существовавшую между Династией и нацией — средостение между Царем и народом. Или, иначе, мы будем создавать монархическое общественное мнение, категорически враждебное каким бы то ни было формам сословной реставрации.

Учитывая тяжкий, кровавый и позорный опыт реставрации Бурбонов во Франции, принесшей на иностранных штыках реставрацию старого правящего слоя, мы отдаем себе совершенно ясный отчет, что борьба за монархию, прикрывающую старый правящий слой, будет борьбой прежде всего совершенно безнадежной. Тогда перед нашим движением, как и перед всей Россией вообще, станет вопрос об отказе от принципов легитимизма. Уклонение от этого отказа было бы равносильно политическому самоубийству во имя мертвых идей и мертвого прошлого.

В воскресенье, 26 сего апреля, в Кафедральном Соборе Воскресения Христова (ул Нуньес, 3541), после Божественной Литургии, будет отслужена

ПАНИХИДА

по случаю исполняющейся 24-го сего апреля шестой годовщины со дня кончины

ИВАНА ЛУКЪЯНОВИЧА СОЛОНЕВИЧА

о чем всем русским людям сообщает Редакция газеты “Наша Страна”

1953 — 24 АПРЕЛЯ — 1959

В этом году, совершенно неожиданный случай дал мне возможность побывать на могиле Ивана Лукьяновича — в Монтевидео. Это было два месяца тому назад, в яркий солнечный день 27 февраля. На панихиду, как-то особенно задумчиво отслуженную о Николаем Кашниковым, собрались многочисленные, несмотря на будний день, наши единомышленники — единственные из всех разбросанных по миру членов нашего Движения, на долю которых выпала честь быть почетным караулом у могилы незабвенного Ивана Лукьяновича.

С особенным чувством покидал я белую мраморную плиту, под которой покоится прах Ивана Лукьяновича — с чувством еще большей решимости продолжать то великое дело, которое было начато этим великим человеком, с чувством еще большей веры в конечное торжество идеи Народной Монархии.

И эту веру, и эту решимость разделяют со мною, я уверен, и мои ближайшие сотрудники, и каждый член нашего Движения, где бы он ни находился.

Шесть лет тому назад не стало Ивана Лукьяновича. Но смерть, оборвавшая его жизнь, бессильна уничтожить созданную им идею. Вс. Дубровский

Осуществление русской национальной революции при участии монархии приведет к самодержавию интеллигенции, ограниченному монархией и теми моральными принципами, которые она воплощала в себе. Осуществление той же революции без участия монархии приведет к диктатуре интеллигенции с неизбежной борьбой за первое место в этой диктатуре. А также с неизбежным расколом нового правящего слоя и, следовательно, с новым отсутствием национального единства. Отсутствие национального единства вызовет новый припадок национальной слабости — так сказать, государственный обморок России.

Мы рассматриваем Династию Романовых, как хранительницу огромной моральной ценности — единственно существующий источник бесспорной и бессловной власти. Мы, однако, отдаем себе ясный отчет в том, что, при слабости и изуродованности общественно мнения русской эмиграции, — Династия может быть вовлечена в ошибки, которые совершенно аннулируют весь ее моральный авторитет — как начисто был аннулирован моральный авторитет Бурбонов: в период ста дней Бурбонов не поддержал во Франции и к т о, и после ста дней Бурбоны снова были водружены силой иностранных штыков. В этом — катастрофическом — случае перед Россией станет вопрос о диктатуре бонапартистского типа с последующей необходимостью восстановления монархии не безусловно легитимным путем.

Наше движение отдает себе, с другой стороны, ясный отчет и в чрезвычайно тяжелом положении Династии — и до и после революции. В предреволюционные годы, как и сейчас, Династия была отрезана от народа нашим “средостением”, которое предало и Россию, и Династию. Средостение это почти целиком перекочевало в эмиграцию. Для его преодоления необходимы усилия с обеих сторон.

Ив. Солоневич

В. Круглов

И. Л. С.

Эти буквы могут означать многое. Но в данном случае они означают “Истина-Любовь-Самоотверженность” и суть инициалы имени одного человека.

Среди русской эмиграции, разбросанной по всему свету, ярко выделяется один человек-гигант, который сделал для идеи освобождения нашей Родины от большевистского ига, после водворения его в России, неизмеримо больше, чем кто-либо другой. Мало того, вся его жизнь и все его страдания сделали его истинным мучеником этой идеи. Имя этого человека — Иван Лукьянович Солоневич.

Крестьянин Минской губернии, он вышел из самой среды русского народа, истинный самородок, в котором соединились и ясный, острый ум, и широкая эрудиция, и самоотверженная любовь к своей Родине — России. Как и большинство русских крестьян, он народный монархист. В его представлении Россия есть монолит, спаянный тысячелетней историей и состоящий из Царя, Народа и Православия. После коварно-вынужденного отречения Императора Николая II и злодейского убийства Его и всей Его Семьи, Россия подпала под кровавое иго большевизма, которое длится уже более 40 лет. Православный Царь связан с народом неразрывными духовными узами, разорвать которые большевикам до сих пор не удалось, несмотря на все их попытки. Народная Монархия есть монархия, основанная на совести и ответственности Царя перед Богом, как до сих пор ни одна монархия в мире.

Жизнь Ивана Лукьяновича была сплошной жертвой. Атлет по сложению, эксперт по физико-культуре, он в то же время был и выдающийся журналист. Еще сравнительно молодым человеком он был арестован большевиками и отправлен в концентрационный лагерь со своим сыном Юрием и братом Борисом. В этом лагере он терпел все ужасы голода, холода и непосильного труда, не считая издевательства над личностью человека. Всем трем удалось бежать оттуда в Финляндию. Его пребывание в лагере и бегство описано в его бессмертной книге “Россия в концлагере”, переведенной на все почти иностранные языки.

Из Финляндии он перебрался в столицу Болгарии, Софию, где и начал, буквально с грошей, свою первую народно-монархическую газету. Но в этой родине России стране случилась главная трагедия его жизни. Бомба, посланная ему большевиками в виде посылки, разорвала на куски его жену и юношу — сотрудника газеты. Он сам спасся только чудом. Эта трагедия сломила бы менее крепкую натуру, но он, подавив в своем сердце личное горе, продолжал великое дело служения печатным словом своей поработанной Родине.

Позднее, интриги и другие обстоятельства заставили его переменить имя газеты и перебраться в Аргентину, но и там ему пришлось переехать в соседнюю маленькую страну, где он и кончил свою бесценную и слишком рано прерванную жизнь.

И. Владимиров

ВОЛШЕБНИК СЛОВА

(Памяти И. Л. Солоневича)

Волшебник слова, силой мысли награжденный, Он сердце эмиграции умело покорил, И в нас, с истомой ждущих Родину

освобожденной, Он робкие надежды в веру претворил. Пусть извинит меня читатель щепетильный —

Суровый цензор чувств и ритма строчек сих: В них нет мимических блесков и не для поэмы стильной

Шепнула муза мне однажды этот стих. Ей повинуюсь, я хочу чуть слышной

гаммой, Как в потах, передать моей души напев О том, как пламенно, со всей отвагой

бранной, За Русь боролся он, сей мощный журналиста лев.

Я попытаюсь в тексте приводимом ниже В двух-трех штрихах восстановить

портрет его... Ведь он из всех писателей, быть может, нам милей и ближе

За то, что понял душу он народа своего И создал между Родной и нами новое

идейное звено. В любом политическом движении, в любом предприятии театрального, спортивного или иного характера имеются

всегда свои кумиры награждаемые за свои выступления шумными аплодисментами, овациями многотысячной толпы и сенсационными заголовками газет и журналов. Не такова была награда выдающемуся писателю и публицисту в эмиграции Ивану Лукьяновичу Солоневичу. Незаметно для толпы, без театральных появлений перед микрофоном, скорее, как отшельник в своей келье, творил этот удивительно одаренный человек свое великое дело политической борьбы со злой силой, осквернившей Россию, с таким воодушевлением поставив себе целью восстановление сокру-

Кроме книги “Россия в концлагере”, он написал краткую истинную историю России, несколько других, очень ценных книг, как “Диктатура Импортная”, “Диктатура Слоя”, “Великая Фальшивка Февраля”, “Памир” и др., неоконченный роман “Две Силы” и сказку “Хозяева”, иллюстрированную его сыном Юрием и про которую он сказал, что это самое “уютное” из всего, что он написал.

В истории России он, между прочим, дал правильную оценку Петра I, развенчав ореол военного гения, созданный преданием вокруг его личности.

Иван Лукьянович искал только ИСТИНЫ, правды-матушки, и рубил ее своим могучим, красочным и острым, как бритва, языком, выискивая и выставляя напоказ всему свету ложь и лицемерие там, где они таились.

Его ЛЮБОВЬ к Родине-России была безгранична. Он жил ею. Она поддерживала его в его страданиях.

Когда большевизм падет в России, благодарный русский народ воздвигнет ему памятник, чтобы запечатлеть в сердцах всех грядущих поколений всю правду и его жертвенной, САМООТВЕРЖЕННОЙ жизни и бескорыстной работе.

В. Круглов

Из выходящего в ближайшем будущем из печати С о б р а н и я С о ч и н е н и й Владимира Круглова.

шенного Царского строя. Это восстановление мыслит он в форме Народной Монархии, как именуется он в своих идеологических трудах государственное устройство Родины.

Не много времени после ухода из большевистского концлагеря потребовалось покойному И. Л., чтобы завоевать популярность в среде национальной эмиграции и поистине нужно было быть или безграничным хитрецом, умышленно замалчивавшим росшую его славу, или просто некультурной личностью, чтобы задать вопрос: "Солоневич? А это кто такой?" Вопрос приблизительно равноценный вопросу, а что такое солнечный луч, или радуга? Много исторически документального и лирически нежного в отношении погранной Родины внес этот замечательный талант в свои труды, вся суть которых индикаторно может быть выражена таким отвлеченным сравнением.

Был май. Чудесный месяц май с его одухотворяющим пробуждением природы, с его неизменным ароматом ландышей и белыми чехлами на фуражках гимназистов, чиновников и военных, пока этот цвет ласкавший наш глаз не заменился защитной тканью "хаки" — первым предвестием подкрадывавшегося скрытого коварства, подстерегавшего нас с эпохи 1904 г. Но все же несмотря на некоторые гримасы судьбы, веселый месяц май был полон цветения, вливался в легкие с его освежающей волной надежд, предвещая нам близкое и плодоносное лето. И вот... вдруг налетевший почти нежданно шквал разметал надежды, свалил, вырвав с корнями, могучий русский дуб, отдав его на поругание хамам и нравственным уродам, частично выскользнувшим из тюрем, частично подпущенным внешним недалевидным врагом, до сих пор расплачивающимся за свою недалевидность. Май, чудесный период Российского пробуждения и расцвета, сменился хаосом и слякотью постылого Февраля, чтобы уступить место окончательной мерзости запустения — Октябрю. Но, как каждая мерзкая выходка требует отпора и компенсирующей ее пощечины или точнее, как всякое действие вызывает противодействие — позор и рабство, принесенные Октябрем, пробуждают в нас, русских людях по обе стороны рубежа, могучую реакцию — восстановить незаконно попорченное и возвратиться к тому, от чего мы ушли. Как говорит сам Иван Лукьянович, "Постараемся вернуться к принципам Веры, Царя и Отечества и пойдем дальше, к себе домой к ценностям проверенным тысячу лет, а не выдуманым в 10.000 книг".

В чем же заключаются эти ценности, издавна нами хранившиеся и проверенные нами у себя дома, ценности, неходимые в десяти тысячах книг всевозможных Фурье, Сен-Жюстов, Марков, Лениных и прочих "сеятелей", мыслителей и углубителей той бездны с допотопными пещерами, которой уподобляется нравственное и материальное бытие всех доверивших свою судьбу этим одержимым провозвестникам зла и завалированной "мерзости запустения". Эти ценности, о которых говорит дорогой Иван Лукьянович, в нашем духовном идеале — Православной религии, и в нашем политическом мировоззрении — Царской власти. Этого ни в каких книгах не найдешь, ибо люди об этом писать не любят — иные боятся, другие просто не умеют. Чтобы познать эти ценности их нужно выстрадать, вынести через пламя иноземных нашествий, пережить в героическом экстазе своих лучших людей, постичь перед тихим светом лампы в заброшенном медвежьем углу бескрайней Русской земли или перед резным иконостасом в глубине замолкшего храма... Вот где постигаются истинные, невесомые и незримые ценности, составлявшие суть нашей жизни — ведь по всей родной шире благоговейно склонялись русские люди перед символом Света, передавшего им великое учение о Божьей правде на грешной земле. Так и познавал русский человек то, о чем молчат книги смертных: через откровение религии, через примеры своих предков. Так пронес он завет Божественного внушения и национального героизма чрез свою вековую историю, так создал свою культуру, простую и непостижимо высокую одновременно, так рос, жил и творил, пока не пришла отвратительная незваная гостья из мглы Вельзевуловой и не расплзлась в Феврале по столице с уличной слякотью вместе.

Этого постыдного кошмара и всего последующего не предусмотрели авторы, в десяти тысячах книг осквернявшие религию и ратовавшие за ниспровержению тронов; не предугадали этого ни историки, ни мыслители, искажавшие подлинный дух нашего прошлого, не прозрели слепцы-вожди пролетариата, толкавшие народ на сумятицу. Как справедлив, как честен поэтому гневный возглас Ивана Лукьяновича: "Чем же была наша историография? Слепотой, безграмотностью, или просто враждебностью? Или, может быть, какой-то странной и роковой смесью всех этих почтенных факторов нашего интеллигентского образования. Люди, профессионально сеявшие "разумное, доброе, вечное", может быть, когда-нибудь рискнут ответить на этот вопрос — ответить нам, — поколению ими обманутому".

Вот в эту зияющую пропасть нашей историографии и провалилась значительная часть нашей либеральничавшей интеллигенции; при полном отсутствии государственного инстинкта и умения ценить то, что составляло бесспорное превосходство России в моральном отношении над остальными государствами эти люди легко пошли на поводу у нескольких вожаков профессионалов революционного шествия ("тверже революционный держите шаг!") и прикнув к ним довели Россию и нас всех до тех невыразимо прекрасных перспектив, о которых нам повествовали всевозможные авторы в 10.000-ах книг. Теперь, конечно, поздно об этом вздыхать. Но есть нечто, что заставляет нас во тьме нынешних горьких лет жить с надеждой на близкий просвет. Этот просвет в том мощном идейном движении, основу которого положил незабвенный Иван Лукьянович. Тщательно и любовно изложив нам в своих трудах духовно-возвышенный элемент нашей Монархии, Иван Лукьянович принес нам и нечто новое, безусловно оригинальное и столь человеческое. Он первый в эмиграции — принес нам идею Монархии бессословной, освобожденной от всяких кастовых перегородок, преимуществ и предрассудков, столь удручавших психологию народных масс, и, конечно, без всякого возврата к помещицкому укладу жизни. Ибо, как правильно он говорит "русская Монархия может быть или помещицкой или народной, но она не может быть и помещицкой и народной. Лозунг дворянско-помещицкой монархии означает для России новую гражданскую войну".

Отжившие формы быта, устаревшие методы управления, вышедшие из моды средневековые латы и кольчуги мы должны выковырять из нашего обихода. Латы и кольчуги когда-то были и нужны и красивы для глаза — сегодня они возбуждают лишь смех, как реставрация помещицких усадеб и гнезд, красиво воспетых многими нашими писателями и поэтами, вызовет в современной России не только смех, а явное противодействие народных масс, т. е. сорвет успех восстановления Монархии. Мне могут сказать: какой уж там может быть разговор о помещиках, когда и самому обыкновенному рядовому эмигранту, вовсе не помышляющему о поместьях, закрыта дорога на Родину. Закрыта она для нас всех, конечно. Но открыть себе путь на Родину и привлечь к себе симпатии русского народа мы сможем лишь показав, что не идем к нему с выписями из геральдических книг, с табелями о рангах и купчими крепостями, но предлагаем для созидательного труда свои, познавшие подчас весьма тяжелый труд руки и наши мозги, еще не искусственные материализмом Запада

Эти здравомысленные принципы принес нам И. Л. Много поистине человеческого, много глубокого понимания русских народных нужд вложил он в свои так любовно разработанные литературные труды. И мог ли он, всегда столь требовательный к себе, поступить иначе, когда, покидая родную землю он дал торжественное обещание русскому народу, в лице одного обездоленного колхозника, писать правду. Это обещание сказать правду о России он и выполнил в своих трудах "Народная Монархия", "Россия в концлагере" и бесчисленных талантливых публицистических статьях. Написанные от всего сердца, горячим и простым русским слогом, его труды привлекли к себе читателя. Его стиль бесхитрый и могучий дарит нашему слуху поистине патетическую симфонию Русской Государственности со всем героизмом народа и трудностями сопровождавшим рост страны, со всем неизменным благовоением

Д-р А. К.

РУССКОЕ РЕШЕНИЕ

У нас совершенно огульно именуется "пораженческой" та точка зрения на процесс освобождения России, которая исходит из внутреннего, самостоятельного решения: мы как бы лишаем Россию права на это самостоятельное решение.

Такая же позиция наблюдается и во внешнем мире, которая базируется подчас на традиционной его враждебности к России. Эту враждебность не следует преувеличивать и полагать единственным двигателем отношений Запада к России. Тем не менее, и забывать или замалчивать эту враждебность также не следует, ее должно учитывать, как реальный политический фактор, который в каких бы то ни было событиях, касающихся России, в каком-то виде скажется. Впрочем, независимо от духовных корней политическая жизнь Запад-Россия всегда несла на себе отпечаток антагонизма, ныне еще более заостренного вследствие затемнения общего духовного плана. Тем не менее, эта враждебность есть совершенно реальный исторический факт, и мы должны сразу установить, что ее направление было всегда более обозначено именно с Запада на Восток, что на всем протяжении наших отношений с западным миром находило время от времени соответствующие своей эпохе выражения.

Сегодняшняя картина еще более усугублена превнесением в нее особой идеологической заостренности. Порабощение России международным коммунизмом, хотя и прошло при огромной внешней помощи, без чего подчас оно было бы и немислимым, Западом тем не менее

Ивана Лукьяновича перед тем, что обесценивало величие Родины — перед Русской Самодержавной Монархией.

Вдохновенным, безыскусственным словом передал он нам свою боль за поруганную Родину, свидетельство о страшной опутавшей ее паутине концлагерей, а также свою горячую веру в неизбежный возврат к нашему традиционному образу правления — Царскому строю, который один только "спасет Россию от нового партийного рабства".

Бессчетное число миль отделяет нас от могилы этого дорогого нам человека, но его горячая любовь к Родине, освещающая его труды, связывает нас с ним так тесно, что кажется, будто он оставил нас здесь, в непосредственной близости. Его слово правды о Русской Монархии, его безграничная преданность России пересекают гигантский океан, нас от него отделяющий, и знойный ветер, овевающий его могилу доносит до нас его последнюю мольбу и завет:

"Делайте для Монархии все, что вы только можете сделать. До России и в России мы должны проповедывать Монархию. Навстречу нам поднимется великая волна народного инстинкта, народной боли, народных страданий. Поднимется и волна надежд на лучшее будущее". Этой великой волной народно-инстинкта, выносившей неоднократно Россию из тяжелых бед, надеемся мы и ныне вознести Русский Дом к новому величию и уюту.

Неутомимый труд Ивана Лукьяновича в борьбе со злом, его страстная полемика с лакеями пера, бесплодно пытавшимися умалить его значение, привлекли к себе естественно интерес нас всех, хотя и поглощенных посторонними заботами, но проникнутых тем же возвышенным идеалом, которым горел Иван Лукьянович и к служению которому призвал он и нас всех. Сделал он это с той горячностью сердца и с той мощностью слова, которыми был одарен от природы, и которые позволяют нам по всей справедливости считать его лучшим и непревзойденным львом русского журналиста. Различные по возрасту, по принадлежности к срокам эмиграции, по образованию, вкусам и привычкам мы объединены одним и тем же импульсом — надеждой! И мы знаем, что там, где загорается искра надежды — она загорается не для шкурников и пошляков, но для нас, и потому мы должны быть там. Иван Лукьянович пришел к нам и принес нам не искру, но целый сноп искрящихся надежд, подавил нашу растерянность и укрепил уверенность в самих себя. Вот почему мы пошли за ним и встали рядом с ним.

И. Владимиров

рассматривалось, как явление местное, "русское", которое, в сущности, весьма мало, или вообще не повлияло на традиционный тон отношений Запада к России. Наоборот, эта насильственная ломка исторической России была воспринята, как усиление "традиционного русского империализма", и, в соответствии с таким уяснением, эта враждебность и в новых, измененных условиях, сохранив свое традиционное направление — еще более заострилась.

Все усилия нашей зарубежной политики были направлены к сглаживанию этой враждебности, исходя из совершенно очевидного факта, что Россия, как государства, в сущности, нет, а ее место на мировой сцене занято новым тоталитарным государством, построенным на костях и крови порабоженного народа, и превратившимся в мощную мировую коммунистическую базу. В этой нашей зарубежной политике мы и исходили из вполне реального уяснения, что между Россией и Западом всегда наблюдалась в большей или меньшей степени отталкиваемость, и при всей ее очевидной реальности — в духе традиционной политики исторической России всегда было и будет место для нашей совместной жизни с Западом. Именно, коммунизм, уведший насильно Россию с традиционных путей ее политики, лишает в такой же мере и западный мир его права на свое самостоятельное духовно-политическое устройство. В этом, впрочем, с достаточной очевидностью и сказывается свойственная какой бы то ни было демократии воинствующая черта, выражающаяся в стремлении к всемирному установлению тем или иным способом своей идеократии.

Отдельные представители западной политики, ослепленные подчас этой традиционной отталкиваемостью от России, вольно или невольно забывали о коммунизме, и всю тяжесть своей политики переносили на Россию. Это нагляднее всего образно выражено У. Черчиллем во время Второй Мировой войны: "Германия мертвая, а Россия на операционном столе". Именно такая Россия, которая бы не смогла противостоять этим идеократическим тенденциям, исповедуемых отдельными представителями западных политических кругов, которые, закрывая сознательно глаза на факт порабошения самой России коммунизмом, видят повсюду лишь пропуск "традиционного русского империализма" — и нужна этим кругам, которые, при всей их малочисленности, обладают огромным политическим весом, и значительно влияют на всю политику свободного мира в "русском вопросе".

Как следствие этого влияния, отдельные ведущие представители Запада не признают России, и ее освобождение от коммунизма понимают и поддерживают лишь в духе своих идеократических тенденций, являющихся как бы осуществленным высказанной У. Черчиллем формулы уже в современных, измененных условиях. Если коммунизм теперь и желают видеть мертвым, то вместе с ним желают видеть и Россию мертвой, или, по меньшей мере — "на операционном столе".

При формальной сторонней позиции внешнего мира и декларируемого им принципа невмешательства во "внутренние" дела, ясно, тем не менее, заметна линия, отрицающая за Россией право самостоятельного решения будущего ее устройства по свержении в России коммунистической идеократии. И само наличие этой идеократии в России теснейшим образом связано уже с внешними силами, как при насильственном ее насаждении, так и во все дни ее существования. И, если можно говорить о "невмешательстве", то именно только в пользу этой идеократии, а отнюдь не ее пересмотра, а равно и пересмотра тех внешних двигателей, которые с этой идеократией в России интимнейшим образом связаны.

В будущем устройстве мира Запад хочет обойтись без России. Имеющая широкое хождение теория "эволюции" понимается, как приближение расшатанной коммунизмом России к демократии, а отнюдь не как восстановление поколебленной русской основы. Именно об этой эволюции говорит Дж. Ф. Даллес, и в ней его надежды на воз-

возможность мирного разрешения "русского вопроса". Совершенно ясно, однако, что эта возможность в западном уяснении неукоснительно связывается лишь с возможностью такого решения, которое ответит установленным Западом образцам, по которым должна развиваться жизнь будущего мира. Общим современным политическим полюсам свойственна в равной мере одна и та же исключительная тенденция, идущая за установлением в мире единой духовно-политической системы, в каком свете и понимается Западом эта "эволюция" в ее применении к будущей России. Таким образом, эта односторонняя тенденция исключает все другие возможные срединные решения.

Эта установка сегодня совершенно реальна, и не менее реалистичным должно быть и наше ее уяснение. В нашей зарубежной "внешней" политике, мы, именно, и исходим из какого-то срединного решения — "русского" решения, которое, если дать ему возможность органического, беспрепятственного развития, несомненно пройдет с наименьшими жертвами и затратой сил, как со стороны России, так и Запада, поскольку это решение идет по линии наименьшего сопротивления, уже по, так сказать, проторенному, готовому руслу. Именно это решение вызывает подспудно внутри порабожденной России и ею в какой-то мере сейчас осмысливается, в стремлении к принятию им каких-то более очерченных форм. Такова же и наша зарубежная позиция, исходящая из наиболее органического и здорового вида зарубежной политики. Эту политику мы и строим на двух основах, которые, при всем кажущемся их современным ущемлении, тем не менее вполне реальны.

Этими основами являются: Историческая Россия и ее современное отражение в том, что мы называем сегодня "внутренней" Россией. Мы законно допускаем, что оба эти фактора, при всей их современной слабости и очерченности и подчас недоказуемости, в каком бы то ни было виде в будущих событиях в России неизбежно проявятся. И, наряду с этим, мы уже настолько духовно и политически зрелы, чтобы не самообольщаться никакими установленными схемами, предъявленными этим событиям — будь то в смысле механической реставрации, или какого-либо другого вида зарубежного идеализма, который к реальной политике никакого отношения не имеет.

Таким образом, мы исходим из срединного, русского решения, которое в нашем уяснении стремится к тому, чтобы наиболее верно отразить современное духовно-политическое состояние порабожденной России, и которое в равной степени учитывает реально те или иные внутренние, или внешние факторы, могущие действовать в этом процессе. Эта наша позиция основывается не на максималистическом решении, во имя каких бы то ни было схем, предъявляемых этому процессу, а на реальных, срединных возможностях воссоздания в мире какого-то простейшего духовно-политического равновесия, которое даст возможность совместного существования, как Запада, так и России.

Таковы в схематическом представлении два вида этой политики. Несомненно, что эти различные взгляды на процесс освобождения России, как и цели, предъявляемые этому процессу, сталкиваются. Эти столкновения мы наблюдаем не только в смысле наших расхождений с основной линией Запада в "русском вопросе", но равно и по внутренней линии нашей зарубежной политики, где они вытекают из различного подхода к этому процессу. Эти столкновения, кажется, неизбежны, поскольку в наших рядах отсутствует единая формула, установление, которой в современных условиях немислимо, и каждый из нас "спасает" Россию по-своему, и по-своему понимает этот процесс и цели, с ним связанные.

Мы, современники и свидетели современной Российской Смуты, в наших ее оценках в высшей степени субъективны: слишком тяжело несомое нами наследие нашего духовно-политического прошлого. Единой России нет, а есть несколько России, или такая, какой мы ее хотим видеть, Россия же всегда была только одна, как раньше, так и теперь, и все наши недоразумения и проистекают из столкновения различных субъективизмов. Как раньше каждый говорил о какой-то "своей" России, так и

теперь почти никто из нас не говорит о действительной, объективно данной России, хотя и изуродованной советчиной, но тем не менее единственно реальной, из которой и изойдет построение будущей свободной России.

О наличии в наших рядах того или иного вида политического идеализма мы не только можем, но и должны говорить, как и о самообольщении различного толка историческими аналогиями, что, при всей их внешней привлекательности, в нашей политической жизни являют собою мертвый груз. Вполне допустимо, что решение нашего государственного кризиса примет такие формы, которые вряд ли мыслятся, как внутренними, так и внешними разрешителями, званными и незваными. Как мы, так и они, исходим подчас из узких интересов, невмещающих в себя всю полноту возможного разрешения. К внешнему миру это относится в смысле ограничивающей свободу его действий узости, которую накладывает на него воинствующее исповедывание формальной демократии, применяемой им, как обязательная мерка к настоящим или будущим событиям. К нам это имеет отношение постольку, поскольку мы связаны или связываем себя,вольно или чевольно, с теми или иными схемами, за рамками которых наша политическая мысль становится как бы бессильной.

Когда мы говорим об этих "схемах", то под ними мы отнюдь не понимаем наши основные положения, оставшиеся неизменными за все годы изгнания, и лежащие в основании нашей зарубежной политики. И хотя эти положения и не претворяются в реальные формы во вне, тем не менее являются, пока что, единственным двигателем нашей внутренней духовно-политической жизни. В силу этого внешнего непретворения, у нас и наблюдается очевидный разрыв между нашим внутренним сознанием и внешними политическими "реальностями": мы живем двойной жизнью, и должно сказать, что во многих из нас происходит подмена нашей внутренней русскости окружающими нас внешними "реальностями". Нет никакого сомнения, что основная наша функция сейчас, это — сохранение этой внутренней русскости, которая является основанием всякой здоровой и единственно приемлемой для будущей России политики. Особенно же, во время гонения на все русское, это наше исповедывание исторического предрешенчества — не только законно и реально, но и является с нашей стороны также и какой-то естественной мерой самозащиты. Однако, это предрешенчество будет еще более законным, когда оно будет строиться, исходя из органического, а не насильственно-конструктивного понимания восстановительного процесса в России.

Такое уяснение, поскольку оно органическое, в большей или меньшей мере уже изойдет из наших духовно-исторических корней, что и делает это предрешенчество вполне реальным, и что, в современных условиях повсеместного духовного и политического оскудения, является нашим верным прибежищем. При современном общем шатании, здесь наша самая верная опора, которая единственно и может соблазнить нас для какого-то политического будущего от денационализации и обезличивания нас во внешней, чуждой среде. Внешний мир, в котором мы живем, не способствует этому сохранению, он идет за этим нашим растворением в этих внешних "реальностях", за которыми мы подчас вообще склонны не видеть России, и наше духовно-политическое сознание невольно подчиняется влиянию внешних схем в решении "русского вопроса", которые уже или нашли однажды свое применение в прошлом, или таковое применение должно найти в предстоящем будущем. Для нас дело идет не о "русском вопросе", а об исходящем кровью нашим Отечеством, ныне все еще порабожденном, и ждущем извне не доктринальных разрешителей, а честных и верных помощников и союзников в мучительном процессе его освобождения от наложенных на него пут международного коммунизма.

Такую внешнюю помощь мы считаем вполне законной и столь же законно готовы принять ее, коль скоро она нам будет предложена. Но все насильственные схемы мы столь же законно отвергаем. Мы вполне реально допускаем, что во всех случаях, внешние силы, в том или ином виде, в процессе освобождения России будут действовать на-

ряду с силами внутренними, и только это сотрудничество с внутренними силами и обеспечивает успех какого бы то ни было предприятия в России. Это касается, как внешнего мира, так, в равной степени, и нас. Привнесение исключительных тенденций в этот процесс с чьей бы то ни было стороны может лишь помешать органическому виду этого процесса. Несомненно, Россия будет стремиться к своему, русскому решению, и это решение должно пониматься не в свете установленных схем, а современных нужд порабожденного народа, который и является основным материалом для будущей свободной России.

Таким образом, наше стремление к воссозданию России исходит из исторических позиций еще и потому, что те демократические образцы, которые навязывают со всех сторон России всевозможного вида разрешители "русского вопроса", как в прошлом, так и в настоящем, полагаемые как антигеза коммунизму — не только в будущем применении к России, но уже повсеместно и теперь представляют собой весьма жалкую картину, и, в реальном уяснении нужд будущей свободной России, никакой заманчивостью не обладают.

Таким образом, было и остается, как единственно прочное основание, все то же историческое начало, которое мы понимаем не как нечто окаменелое-догматическое, а разумное, самой жизнью диктуемое применение этого начала к современным потребностям, в сочетании с порядком и свободой исторического развития. Никакого другого созидательного начала для будущей России не видно нигде. Мы уясняем это, и наша политика исходит из стремления служения России, а не тем или иным формам, которые, при всем их подчас внешнем сходстве, ничего общего с историческим началом не имеют. Несомненно, что в обстановке, которая создается во время и после преодоления коммунизма, недостатка в этих формах не будет. Если же дело идет о реальных, жизненных формах, и, при условии свободного их развития, то все они, в большей или меньшей мере, будут устремлены к русскому духовно-историческому плану. Таковым представляется нормальное течение этого процесса, но совершенно очевидно также, что помимо этих форм, будут существовать и формы, не только не устремленные к русскому плану, но этому плану враждебные. Именно эти формы здесь за рубежом пользуются всемерной подделкой внешнего мира, и вполне законно предположить, что, при малейшей возможности насильственного претворения их в России, со стороны внешнего мира они получат такую же поддержку.

О нашем историческом предрешенчестве мы можем говорить здесь, за рубежом, как о единственно мыслимой и единственно прочной нашей исходной духовно-политической основе. В будущем же своем претворении в жизнь, это наше зарубежное предрешенчество не понимается нами, как обязательная мерка, а равно и не является выражением какого бы то ни было "консерватизма", о котором мы можем говорить также только здесь, поскольку будущую Россию нам придется не охранять, а создавать почти заново. Здесь мы, действительно, сохраняем и охраняем Россию, так как нашему сознанию, в условиях длительного отрыва от нашей народно-государственной стихии, никакая другая Россия недоступна. Правда, мы говорим сегодня о "внутренней" России, и полагаем ее не менее реальной, и как бы питавшей в себя какую-то часть исторической России. Однако, при всей ее несомненной реальности, мы ее не можем определить, ни качественно, ни количественно, ибо наши наблюдения над ней в высшей степени неопределенны, и всякая позиция, строящаяся на установке "внутренней" России, будет в большей или меньшей мере идеалистической. Однако, это утверждение вовсе не стремится умалить действительное значение для всей нашей зарубежной политической деятельности этой, пока еще молчаливой, или почти молчаливой, "внутренней" России, которая, при всей ее недоступности нашему наблюдению, является наряду с историческим началом одним из оснований нашего зарубежного фронта.

Внешний мир эту "внутреннюю" Россию, или признает лишь в ему желанном виде ("эволюция"), или не признает вовсе. Это непризнание и исходит

Политическая Хроника

ПЕРЕХОД В МОСКОВСКУЮ ПАТРИАРХИЮ

Нам пишут из Нью Йорка:

Запрещенный с 1957 года в священнослужении Архиерейским Синодом Русской Православной Церкви за границей архиепископ Пантелеймон (Рудык), проживавший в последнее время в Канаде, обратился оттуда к Московской Патриархии с просьбой о принятии его в состав епископата этой Патриархии. Этой просьбой архиепископа Пантелеймона предшествовала его неудачная попытка войти в состав епископата русской православной митрополии в Северной Америке и Канаде, возглавляемой ныне митрополитом Леонтием. Собор епископов этой митрополии просьбу архиепископа Пантелеймона отклонил.

Обращение архиепископа Пантелеймона к Московскому Патриарху содержало не только его "покаяние" в том, что он с 1945 по 1957 год состоял в юрисдикции Русской Православной Церкви за границей, но и поношение этой Церкви, ее епископов и русской эмиграции.

Московская Патриархия приняла "покаяние" архиепископа Пантелеймона и назначила его в гор. Эдмонтон, в Канаде, где существует также и епископская кафедра зарубежной Церкви.

из его идеологической исключительности, отрицающей за Россией право на свое самостоятельное русское решение. Эта "внутренняя" Россия несомненно с этим решением каким-то образом тесно связана, и, при условии свободного своего развития, это решение может уклониться от идеократических схем Запада, предъявляемых этому решению, как обязательная мерка. Мы видели, какой кровавой спекуляцией подвергся "русский вопрос" в германском варианте его разрешения, который, в силу германской традиции, исходил из непризнания какой бы то ни было России вообще. Не меньшую спекуляцию в этом "вопросе" наблюдаем мы и ныне.

Таковы результаты этой политики, строящейся на непризнании и отрицании России, и поскольку эта политика реальна и сегодня, необходимо столь же реалистическое и нами ее уяснение. Как раньше, так и теперь, русское решение внешним миром замалчивается, и совершенно очевидно, что этого решения внешний мир сознательно избегает. Это дает нам вполне законное основание предположить, что это решение потому нежелательно, что оно в уяснении Запада ослабит какие-то позиции занятые им с устранением России с мировой политической сцены, на которых, собственно, и держатся все современные насильственные конструкции, "западного" или "восточного" образца. С восстановлением России станет еще более очевидной эта искусственность созданных сегодня механизмов, которые уже и до сих пор показали полную свою несостоятельность по установлению и сохранению мирового равновесия. Это равновесие будет установлено лишь тогда, когда будут восстановлены его органические рычаги, разрушенные слепой верой в непреложность механического прогресса, которая и завела мир в его современный тупик.

Пусть эти рычаги и будут традиционными-исторические, но это отнюдь не значит, что эти рычаги почему либо несовместимы с истинным прогрессом. Основным рычагом равновесия и была Россия, которая в современном ее виде порабождения коммунистической идеократией, стала одним из главных факторов, приведших мир к потере им равновесия. С удалением России, на мировую сцену выходят поочередно различные силы, пытающиеся установить это равновесие — без России и по своему образцу, и которые, вследствие этого, терпят неизменную неудачу в этих своих попытках.

В нашем уяснении, это восстановление поколебленной духовно-политической основы мира понимается не в рамках нашего поколения, а как в высшей степени сложный процесс, который по всем признакам перерастет жизненные и духовные рамки нескольких поколений, а прежде всего — поколения свидетелей современной мировой смуты. Этот очистительный процесс потребует и смены человеческого материала, как на Западе, так и в России, и нет сомнения, что его осуществителями будут

новые поколения, что особенно относится к России, где эти поколения все более обозначаются именно в смысле их устремленности к чему-то новому. Это новое несомненно будет, и, поскольку оно несет творческое, органическое начало, то и уляжется оно в какие-то органические рамки, которые явятся в каком-то виде продолжением насильно прерванного органического развития России. Это продолжение означит и преемственность основных двигателей этого развития.

На Западе, который остался в стороне от пройденных Россией испытаний, в новом поколении обнаруживаются весьма тревожные симптомы, которые пока еще очень неясно говорят о возможности появления в нем новых оздоровительных сил. Это особенно относится к САСШ, где молодежь, при всем достатке, а, подчас, и просто богатстве внешней жизни, в своей внутренней жизни показывает симптомы духовной усталости, как бы проистекающие из механического восприятия жизненного процесса. Возможно, что эта усталость и явилась следствием этого богатства и механического комфорта современной американской жизни. Как бы то ни было, но и эта молодежь, при всей ее духовной шаткости несомненно несет в себе зерно духовного неудовлетворения настоящим, что уже является каким-то залогом возможного ее будущего возрождения.

Возрождение России трудно представить себе, как изолированный процесс, поскольку и современный духовно-государственный кризис России уже явился крайним выражением общего кризиса, захватившего весь мир. Возможно, конечно, что ввиду различных — специфических или местных условий, а прежде всего огромного духовного опыта, проработанного Россией за годы ее порабощения — возрождение России будет сигналом или началом мирового возрождения. Во всяком случае, предпосылки для такого возрождения в России значительно более обозначены, чем на Западе.

В настоящее время мы можем с значительным основанием сказать, что этот процесс уже начался. Это — органический, почвенный процесс, и несомненно, что те преграды, которые еще стоят на его пути, не смогут в конечном результате этот процесс задержать.

Какие изменения принесет за собой изживание современной российской смуты — покажет время: что эти изменения неизбежны в том или ином виде, не представляет никакого сомнения. С некоторой осторожностью мы можем указать на таковые же изменения, наступившие в России в период изживания Смуты начала XVII века, и, что касается иностранной интервенции, то этот момент вполне явственен и в данной исторической обстановке. Мы не можем ни отрицать, ни апологизировать возможность этой интервенции, так как и одно и другое было бы выражением того, или иного вида идеализма, что в свете реальной политики

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕР

В старое, доброе время, был обычай таков: когда выходила в свет какая либо книга, а в особенности нового писателя, собирались многолюдные собрания для обмена мнений о данной книге.

Следуя этому обычаю, в воскресенье 26 апреля, в Доме русских белых (Карлос Кальво 2851), состоится литературный вечер, посвященный обсуждению книги Якова Михальского «Враги человечества», недавно вышедшей из печати и подробно рассуждающей о внутренней эмиграции в СССР.

Начало в 6 часов вечера. Вход свободный.

Издательство «Сеятель»

Эта ценная книга содержит 288 стр. Цена в Аргентине 65 песо (в переплете 100), в других странах 2.75 ам. дол. (в переп. 3.50 ам. дол.). Книгу можно написать через редакцию «Нашей Страны».

ВМЕСТО ПАСХАЛЬНЫХ ВИЗИТОВ тем, кому я не успею их сделать, передаю мною в Редакцию газеты «Наша Страна»:

на «КРАСНОЕ ЯИЧКО» престарелым членам РОВС-а (Буэнос Айрес) — \$ 550. и в Фонд «Нашей Страны» — \$ 50.

Александр Дадкин
инж. агроном

Сан Мартин, 344, Вижа Бажестер
ПАСХА 1959

представляется весьма нежелательным. Эта нежелательность проистекает прежде всего из опасности любого вида чрезмерной идеализации тех или иных факторов, как внутренних, так и внешних — и внешних особенно, — могущих действовать в разрешении современной смуты. Так, внешние факторы, действовавшие в период германского похода на Россию 1941-45 г.г. носили на себе ярко выраженный отрицательный характер.

Нежелательность иностранной интервенции уяснялась вполне реально и во времена Смуты начала XVII века, и все предложения иностранной интервенции были отклонены. Однако, этой интервенции Россия не избежала: Новгород был оккупирован шведами, а Москва — поляками. Тем не менее, Смута была разрешена внутренними силами. И в данной исторической обстановке, мы не имеем никакого права закрывать глаза на возможность и этого внутреннего решения: эта точка зрения вполне законна и не менее реальна, чем надежды на внешнюю помощь. Мы даже можем согласиться с необходимостью учета обоих факторов, и нет никакого сомнения, что фактор внутренний, при всей его современной неочерченности, представляется наиболее желательным.

Внутреннее изживание Смуты начала XVII века, которое в конечном итоге пришло к разрешению «всей землей», в дальнейшем своем течении совершенно явственно указывает на различные изменения, явившиеся как бы следствием Смуты, и как бы наложившие свой отпечаток на всю дальнейшую жизнь восстановленного Русского Государства. Эти изменения сказались прежде всего во взглядах верховной власти на государство и способы управления, а также и в отношении государства к верховной власти.

Современная смута застала Россию в проведении целого ряда реформ, явившихся продолжением и углублением эпохи Великих Реформ царствования Императора Александра II Освободителя, продолженных Императором Николаем II: революция, прервав эти реформы, отбросила Россию на многие десятилетия назад. 41 год порабощения России коммунизмом бесследно для России не пройдет. Этот период несомненно окажет глубокое влияние на внутреннюю и внешнюю структуру будущего Российского Государства. В чем выразятся эти изменения, было бы весьма голословно говорить сейчас, но что эти изменения наступят, как они наступили и после первой Смуты, не представляется сколько-нибудь сомнительным.

Разрешение современной российской смуты может идти в условиях, если не иностранной интервенции, то, по меньшей мере, в условиях в высшей степени повышенного внешнего давления. Если иностранная интервенция будет иметь освободительный характер, т. е. руководиться целями помощи порабощенному народу против коммунистических поработителей, а не и какими либо другими скрытыми, враждебными России целями — то надежды на предотвращение нового мирового кровопролития вполне реальны. Всякое другое вмешательство в русские дела, которое будет носить интервенционистский, а не освободительный характер — несомненно выльется в Третью Мировую войну.

Последняя война, начатая под знаменами «антикоммунизма», перевернула все вверх ногами именно потому, что она окончилась не тем, чем должна была по существу окончиться, и чем она единственно и оправдалась — освобождением России от коммунизма. Теперь вот, вследствие такого окончания, как бы неисполненной своего высшего назначения прошлой войны — мир устремился к новой войне, которая явится как бы продолжением прошлой неоконченной войны. Но если эта обозначившаяся новая война снова не принесет освобождения России, то после этой войны мир ожидает уже окончательная, страшная пустота: ибо только возрожденная Россия может вернуть миру прежний его мир. Единственная надежда, хотя и очень смутная, что сама Россия восстанет и восстановит внутри себя какой-то простейший порядок, который затем постепенно распространится и на современный, потерявший свои пути, мир. Это, пожалуй, и единственный выход и возможность предотвращения новой мировой бойни, угнетающей миру современными воинствующими идеологиями.

Продолжительность действия современной смуты объясняется прежде всего той всесторонней внешней поддержкой, которую коммунизм имел за все годы порабощения им России. Иностранная же интервенция представляется вполне законной лишь в том случае, если этот «внешний толчок» послужит выявлению и высвобождению в России внутренних освободительных сил, и предоставит этим силам возможность беспрепятственного, органического развития. Что эти внутренние силы в современном советском государстве значительным образом связаны прежде всего вследствие благожелательности внешнего мира к угнетателям России — не вызывает особого сомнения. Мы видим, что имевший место в период 1941-45 годов «внешний толчок» несомненно эти силы в России выявил, но, выявив их, он не дал им возможности нормального развития. Таким образом, это освободительное, антикоммунистическое движение в России 1941-45 г.г. было использовано внешним миром лишь в узких своих целях. Эта роковая ошибка Германии, на которую она пошла вполне сознательно, продолжила коммунистическое иго в России на неопределенное время, а самое Германию привела к государственному крушению.

Такую же возможность своего проявления имели эти внутренние освободительные силы и во времена венгерского восстания 1956-57 г.г., что, однако, не произошло, ввиду той позиции безразличия, которой внешний мир, как бы признавая нерушимым деление мира на «сферы влияния», отгородился от вмешательства во «внутренние» дела своего равноправного партнера по Ялтинскому соглашению. Таким образом, венгерское освободительное восстание заглохло во внутренней безысходности тоталитарной марксистской империи. Однако, эти события, если и не смогли выявить какие-то освободительные силы также и внутри самой России — эти силы несомненно обозначили. Венгерские события показали, что эти си-

лы внутри России существуют и невозможность их проявления во время венгерских событий вполне допустимо объяснить этими неблагоприятными внешними условиями.

Что касается самой Венгрии, то мы видели, с какой поистине молниеносной быстротой произошло выявление этих внутренних сил. И получи эти силы возможность своего беспрепятственного, органического развития, т. е. если бы не вмешательство мощной военной машины СССР, являющейся невольным исполнителем целей мирового коммунизма, происшедшее на фоне сторонней позиции свободного мира — ни о каком, конечно, коммунизме не было бы сегодня в Венгрии и речи.

Это говорит вполне убедительно, что эти освободительные силы внутри порабощенных мировым коммунизмом стран, а также и в самой порабощенной России есть явление органическое, народное, почвенное, и, при малейшей возможности, эти силы себя так или иначе проявят.

С полным правом можем мы применить эти мерки и к будущим событиям в России, будь то в условиях внутреннего или внешнего освободительного процесса, когда эти силы проявятся в том или другом виде. Проявление этих сил в России, при малейшей внешней к ним благожелательности, не только решит вопрос будущего существования России, но и сохранит мир от готовящегося взаимного истребления.

В этом уяснении, проявление этих сил в России становится все более необходимым: сроки приближаются. Ибо, кажется, только проявление этих сил в состоянии предотвратить неизбежную в противном Третью Мировую войну.

И мы верим, что проявление этих сил и близко, и неотвратимо.

Д-р А. К.

ТИРАЖ «НАШЕЙ СТРАНЫ» ДОЛЖЕН НЕПРЕРЫВНО РАСТИ — ДАЙТЕ ЕЙ НОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ!

ЛИК СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

VII. ВОЕННЫЕ СРЕДСТВА

Благородное слово «оружие» сопрягают со средствами борьбы, поистине мерзостными. Говорят: «бактериологическое оружие», «токсикологическое оружие». Достоверно известно, что ядами пользовались итальянские партизаны для отравления колодцев в районах расположения немецких войск; достоверно известно, что американцы не «подбросили» бактерий в Караснокорею, но что эпидемии в ней были естественным следствием военного хаоса и коммунистического «порядка». Вероятно военные ведомства держат связь с лабораториями на случай, если обстоятельства или провокация принудят к применению этих военных средств, но планами войны такое применение, конечно, не предусматривается.

Говорят также: «оружие-слово», «психологическое оружие». С точки зрения публицистики выражение «оружие-слово» великолепно, но в военной номенклатуре «слово» надо отнести к категории не оружия, а военных средств. Клич «ура!» это не оружие, но средство дать наступательный порыв носящим оружие. Психология тоже не есть оружие: она является средством наилучшего планирования применения оружия.

Хотя и материалисты, американцы поняли значение науки о нематериальном, о психике и создали в минувшую войну при верховном командовании «Отдел психологической войны» (примечание: «психологическая война» — бессмыслица, потому что надо отличать понятие общее «война» от понятия частного — «психологические методы ведения войны»). Такие отделы штабов необходимы не только при верховном стратеге: и на менее высших ступенях иерархии нужны, если не коллективы, то советники по вопросам борьбы в четвертом измерении войны.

Психостратегический метод заключается в установлении национальных целей войны, в расположении их в порядке их важности и в направлении всех действий к этим целям. Все виды деятельности правительства должны быть согласованы с психостратегическими планами и действиями. Во-вторых, он заключается в выяснении психостратегических планов врага и способов противодействия им.

Психологический отдел штаба генерала Айзенхауэра, по высадке в Европе, изучал, опрашивая пленных, состояние духа Германии. В сентябре 1944 г. Гитлеру доверяло 60% пленных и в победу верило 46%, а в марте 1945 г. эти проценты снизились соответственно до 31 и 11. Поэтому в марте напрашивалось решение главные пропагандные усилия и боевые действия направить не столько на ослабление веры в Гитлера, сколько на окончательное разрушение остатка веры в победу.

О военной психологии полководцы знали за тысячи лет до возникновения науки «Военная психология»: первобытные войска применяли «психические атаки», т. е. воинственным кличем смущали врага, тем усиливая физическую мощь своего удара. «Психической обороне» служили размалеванные на стенах китайских городов драконы. Военная психология учит, что и небольшое на фоне большой войны событие может иметь грандиозные психологические последствия: потопление «Лунзитани» вызвало такое

Г. Месняев

На службе России

(К 130-летию со дня смерти А. С. Грибоедова)

В стремлении присвоить себе всех великих людей России и изобразить их, как предшественников революции, большевики не пощадили и Грибоедова. В их толковании, он друг декабристов, ненавистник и обличитель дворянской России, представленной им в "Горе от ума", как царство Фамусовых, Молчалиных, Скалозубов.

Во всех этих домыслах, в сущности, нет и слова правды. Никаким предшественником революции Грибоедов никогда не был, к декабрьскому мятежу не имел отношения, современную ему Россию не только не ненавидел, но служил ей не только словом, но и делом, в буквальном смысле слова, до последнего издыхания.

В истории России и в истории русской литературы навсегда останется героический образ русского посла в Персии, создателя бессмертной комедии "Горе от ума", в парадной посольской форме, с саблей в руке, отбивающегося (30 января 1829 года) от разъяренной персидской черни, ворвавшейся в здание русского посольства в Тегеране.

"Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни", — писал Пушкин, — "самая смерть постигшая его посреди смелого, неравного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна".

Пушкин, с его возвышенной и благородной душой, которой было столь низко и понятно "упоение в бою", как никто другой понимал всю красоту и величие смерти Грибоедова за Россию. И Пушкин и Грибоедов люди одного стиля, одного блистательного взлета, яркие выразители русской гениальности. И тот, и другой отличались обост-

ренной национальной гордостью, острым ощущением российской великодержавной идеи, чувством восхищения прошлым России и ее своеобразием. "И дым отечества нам сладок и приятен", — сказал Грибоедов, утверждая этими словами свое предпочтение всему родному, русскому над чужим, иноземным, что было предметом слепого восхищения и преклонения со стороны множества его современников. В "Горе от ума" совершенно явственно звучат нотки национальной обиды по поводу чисто ребяческого увлечения светской чернью "французики из Бордо" и всем иноземным. "Как с детских лет привыкли верить мы, что нам без немцев нет спасенья", — восклицал Чацкий. В своих желчных и едких тирадах он, в сущности, превосходящая славянофилов, высказывал чисто русские, славянофильские взгляды. "Горе от ума" вовсе не обличение России, как издавна внушалось нам обличительной критикой, а, наоборот, прославление ее и ее утверждение. Нет спора о том, что это великое произведение русской литературы — представляет собою блестящую сатиру, но вовсе не сатиру на современную Грибоедову Россию, а сатиру на всякое человеческое общество и даже на человеческую природу вообще. Буквально во все времена и у всех народов, любое человеческое общество, в своем обывательском большинстве, состоит из Фамусовых, Репетиловых и Загорецких, живших и живущих своей утробной, эгоистической, пустой и пошлой жизнью. Пушкин же, Грибоедов, Чацкий — это драгоценные единицы. Но, как раз они, а не Фамусов и не Скалозуб, определяют ценность того или другого человеческого общества,

возмущение, что имело результатом вступление Америки в войну против Германии. Восемь десятилетий тому назад Франко-Прусская война — битва у Гравелотта, осада Парижа — не волновали ни русских, ни балканцев, ни испанцев, не говоря уже о народах других континентов; ныне же психологический эффект взятия Роммелем Тобрука или сдачи фон Паулюса у Сталинграда распространялся до краев земли и создавал благоприятные или неблагоприятные для Германии настроения, а за настроениями следовали и поступки (напр., разрешение или воспрещение в нейтральном порту погрузить уголь на пароход, снабжающий крейсирующий в океане немецкий военный корабль).

Лабиринт психологии войны еще не освещен научным познанием. Стратеги идут ошупью, но должны идти, потому что в эпоху властвования масс надо, воюя, считаться с психикой масс.

Террористическая стратегия англо-американцев имела не столько материальную цель — разрушение промышленности, — сколько психологическую цель — разрушение духа населения. Поэтому на германские промышленные объекты было сброшено только 140.000 бомб, а на города 430.000. Тут психологическое вождение ошиблось, плохо учтя свойства немца: в страданиях борьбы он укреплялся в решении бороться до конца. Такое же действие имел и ставший известным в Германии план американского еврея Моргентау, добивавшегося превращения Германии в аграрную страну путем уничтожения всей ее промышленности.

Конечно, стратегам и дипломатам приходится идти на риск психологических убытков в одном месте, рассчитывая с лихвой заработать в другом месте: объявивши в Казабланке целью войны безоговорочную капитуляцию Германии, Рузвельт и Черчилль чрезвычайно укрепили решимость немцев бороться, чтобы избежать позора и гибели, но, с другой стороны, самоуверенная и несоответствовавшая тогдашней стратегической ситуации Казабланкская декларация весьма подняла дух малых и больших наций воевавшей демократии и усилила симпатии нейтральных: раз ставят ставку на капитуляцию, значит, мол, сильны.

Психостратегам трудно предвидеть все последствия их психоманевров: миф об "унтерменш-ах" помог внушить немцам необходимость драться против вчерашнего друга на Востоке, но когда этот Восток двинулся в 1944 г. на Германию, то население ее угрожаемых областей в панике от нашествия "унтерменш-ей" хлынуло на запад, препятствуя движениям войск и нарушая хозяйственную систему неугрожаемых областей.

Гибель надо признать гением психологического вождения воюющего народа. Он знал душу немца. Немец самоуверен — его самоуверенность подымали эффектно преподнесенные победные реликвии; немец расудителен — пред ним во всеулышание (с умеренностью, конечно) анализировали ошибки в ведении войны; немец горд — его взвизывали отворачиванием к капитуляции и он укреплялся в своем упорстве. Но понимания духа других народов у Германии не было и поэтому ее цели войны вели к поражениям в сражениях идей. "Новая Европа" не справилась с идеей "Против тирана! За демократию!", а "расчленение России" не справилось с идеей "Отечественной войны". И в будущем проиграет психосражение тот, кто вообразит, что Россию можно расщепить: единство России не атом.

определяют его настоящее и будущее. И то обстоятельство, что грибоедовская Москва блистала рядом немеркнущих звезд, как Пушкин, Грибоедов, Баратынский, Батюшков, а позже Хомяков, Аксаковы, Киреевский и другие — говорит о том, что в николаевской России было нечто, что нельзя обесценить и унижить никаким едким и злобным словом.

Чувство глубокой преданности России, которое отличало Грибоедова, было проявлено им не только литературно, в его гениальной комедии, но было утверждено им и всем делом его жизни. Человек редкого и острого ума, необыкновенной страстности и крайних увлечений, делавших его жизнь необыкновенно яркой, стремительной, насыщенной страстями, яркими событиями литературы, театром, дуэлями, кутежами, словом всем тем, чем жили тогда люди тогдашней романтической эпохи, — он всякий раз, когда Отечество звало его к себе, не задумываясь оставлял и художества и науку и светскую жизнь и шел служить России с такой же страстностью, с какой он до этого отдавался всему тому, чем он жил. Так было в годы Отечественной войны, когда он, пройдя три факультета и готовясь к ученой степени, бросил все и пошел в войска для того, чтобы принять участие в героической борьбе русских против Наполеона. Так, было и тогда, когда он пошел служить своему Отечеству на дипломатическом поприще. В качестве секретаря русского посольства в Персии, он принял самое деятельное участие в заключении Туркманчайского договора, окончившего персидскую войну 1826-1828 гг. Блистательный туркманчайский договор был делом рук молодого дипломата. В это же время с необыкновенной настойчивостью и твердостью он добивался освобождения персам русских пленных, работавших в неволе на персидских полях. Граф Паскевич-Эриванский послал Грибоедова в Петербург к Императору Николаю Павловичу с текстом заключенного договора. Император обладал Грибоедова, щедро его наградил и назначил его в Персию уже полномочным министром, т.е. послом.

Это назначение было столь же почетно и ответственно, сколь и опасно. Надвигалась война с Турцией и в Персии был нужен твердый, знающий и верный человек. Грибоедов знал, что он нужен России, а потому, несмотря на самые серьезные опасения за свою жизнь, он смело выполнил волю своего Государя. "Живой из Персии не вернусь, — говорил он Пушкину — Вы не знаете этих людей, вы увидите, что придется прибегнуть к ножам. Там моя могила; чувствую, что не увижу более России". Представляя ее в чужой, враждебной и дикой стране, Грибоедов вел себя с твердостью, как подобало это представителю великой державы.

Приехав в Тавриз, резиденцию европейских послов, он настойчиво взялся за взыскание с персов, полагавшейся с них по туркманчайскому договору, контрибуции и за хлопоты по освобождению русских пленников из персидской неволи. О своей посольской деятельности этих дней он писал так: "Я чрезвычайно занят. Наблюдаю, чтобы отсюда не произошла какая-нибудь мерзость во время нашей схватки с турками. Друзей не имею никого и не хочу: должны прежде всего бояться России, и исполнять то, что велит Государь Николай Павлович, — и я уверяю вас, что в этом поступаю лучше, чем те, которые затеяли бы действовать мягко и втираться в персидскую дружбу. Всем я грозен кажусь, и меня прозвали "Сахтир" — "твердое сердце".

Эти гордые и суровые слова русского посла и его убеждение в святости воли Императора Николая Павловича в полной мере опровергают мнение о его декабристских настроениях. Как известно, во время его службы на Кавказе, при ген. Ермолове, после декабрьского мятежа, он был арестован в крепости "Грозной" и отвезен для следствия в Петербург. Следствие не подтвердило причастности Грибоедова к мятежу и он, после пятимесячного нахождения под арестом, с "очистительным" аттестатом был возвращен на службу на Кавказ. Конечно, в силу своей дружеской близости к многим декабристам, он знал и о настроениях и о намерениях их. Но, по своему явному, трезвому уму, по своей приверженности к России и пониманию ее исторических путей, он не мог разделять легкомыс-

ленных увлечений тех "ста прапорщиков", которые собирались изменить политический строй России. В лице Репитилова, Грибоедов едко и остроумно осмеял и членов тогдашних тайных обществ и членов тогдашних масонских лож. Может быть, в годы своей ранней молодости, Грибоедов и был увлечен, в той или иной мере, свобододобивными мечтами тогдашней молодежи, но тогда, когда он представлял в Персии великую Россию и выполнял волю своего Императора, он, конечно, ни в какой мере не разделял фантастических увлечений декабристов. Тогда он, со всей страстностью своей натуры, отдался государственному делу громадной важности; он на деле защищал пользу и интересы своего Отечества; он на личном опыте познал всю трудность, сложность и ответственность государственного дела, и, конечно, для всякого рода наивных политических мечтаний в его уме и сердце уже не оставалось больше места.

По дороге в Персию, проезжая через Тифлис, к месту своего служебного назначения, Грибоедов женился на шестнадцатилетней красавице, княжне Чавчавадзе. Вместе с нею, недолгое время, он прожил в Тавризе, а затем, когда настало для него время отправиться в Тегеран представлять шаху, его молодая жена уехала в Тифлис. В декабре 1828 года, уже один, Грибоедов прибыл в Тегеран, в столицу Персии и резиденцию персидского шаха. Он представился последнему, выполнил все полагающиеся церемонии, и уже готов был выехать в Тавриз, а затем и к жене в Тифлис. Но, накануне его отъезда, к нему явились две армянки, бежавшие из гарема двоюродного брата шаха и с ними шахский внучек, хранитель драгоценностей гарема. Они умоляли русского посла о заступничестве и об убежище. Грибоедов не считал себя в праве отказывать лицам, просящим Россию о заступничестве, хотя и сознавал какому риску он подвергает себя, давая прибежище беглецам, укрывшимся в посольском доме. Шах наотрез отказался отпустить беглецов, а его двоюродный брат сделал все, чтобы натравить фанатически настроенную персидскую чернь на русского посла, о котором в Персии шла недобрая слава. Вместе со всеми, находившимися в посольском доме, Грибоедов погиб, до последней минуты защищая себя. Тело его было настолько обезображено, что его опознали только по искривленному пальцу правой руки, простреленному когда-то из дуэли Якубовичем.

Молодая жена Грибоедова, до смерти осталась верна ему: она, несмотря на свою молодость и красоту, вторично замуж не вышла. На могиле Грибоедова в Тифлисе, ею был воздвигнут памятник-крест, к подножью которого, в глубокой и безутешной печали, склонялась скорбная женская фигура. На памятнике надпись: "Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя моя любовь..."

Таким чистым и пленительным аккордом была закончена бурная, но замечательная и славная жизнь этого великого русского человека, поэта и патриота.

Говоря о Грибоедове и жалея о том, что он не оставил своих записок, Пушкин с горечью заметил, что мы, русские "леньвы и не любопытны".

В этих словах много справедливого. Действительно, в отношении Грибоедова, случилось так, что мимо его выдающейся личности и его жизни, которую Пушкин назвал "бурной", прошли довольно равнодушно и русские писатели и русские историки. Нет хорошей и полной биографии Грибоедова и нет литературного произведения, живописующего его жизнь, его замечательные дела и его любовь. Да, и художественная критика не оценила в должной мере "Горе от ума", не раскрыла таящегося в нем страстного патриотизма Грибоедова. "Горе от ума", как правило, рассматривается по шаблону, как бытовая сатира, как обличение дворянской Москвы и дворянской России. Самого главного, что заключалось в нравственной природе Грибоедова и в его творчестве, отразившем эту природу: страстной любви к России, стремления послужить ей до конца и прославить ее величие, силу и славу — русское общество, в своем большинстве, как будто бы и не заметило. А, между тем, это и есть самое ценное и главное, что сохранил имя Грибоедова в русской памяти на долгие времена!

Г. Месняев

Дневник наблюдателя

ПО ВСЕМУ МИРУ

Хотя "сателлиты" перестали возбуждать настроение общественного мнения, нельзя пройти мимо "запуска" нового аппарата. В Калифорнии, САСШ, 13-го апреля поднялся в воздух и установился в своей орбите сателлит, названный "Дисковерер II". Его длина — 23,4 метра. Его орбита проходит на расстоянии от 254 до 716 км. от земли, а содержимое его представляет собою целую лабораторию, способную снабдить ученый мир весьма ценными сведениями. Запуск этого сателлита утверждает мысль в сознании могущества человеческого гения, который равномерно ускоренно движется к полному овладению вселенной.

На фоне этого события наводнение, поразившее некоторые районы Аргентины и Уругвая и, в частности, окраины Буэнос Айреса, ставит мысль на место. Нет слов описать чувства, охватывающее нас при виде поднимающегося уровня реки, когда водная стихия показывает страшную беспомощность человека и когда он в неопишущем ужасе бросает свой дом и ищет спасения. А ветер свистит, а волны хлещут, а вода поднимается все выше и выше... Жалок человек в своей беспомощности, когда он стоит перед лицом разбушевавшейся стихии. Человек, держащий заявлять о своей способности овладеть вселенной.

Жизнь всеми своими проявлениями ломает человеческие планы и ставит перед неожиданными, открывающими не только новые перспективы, но и новые препятствия. Запад твердо знал, что он будет делать и что он будет говорить и как. Но человек на земле не вечен. Проходят годы. Тот, на кого надеялись, кто не раз своим острым умом показывал верные пути к преодолению кризисов, выходит из строя. Тяжелое заблуждение престарелого министра иностранных дел САСШ, Дж. Фостер Даллеса, вопреки стараниям врачей, заставило подать его в отставку, о чем на пресс-конференции, со слезами на глазах, заявил Айзенхауэр. Айзенхауэр лишается одного из вернейших своих сотрудников в момент, когда мысль и слово Дж. Фостера Даллеса особенно нужно Америке и всему свободному миру, стоящему перед девятым валом своих испытаний. Приближается день конференции министров иностранных дел, где будут пытаться развязать узел, затянувшийся до последнего предела. Гордиев узел!

Весь свободный мир с тяжелым чувством и с добрым словом провожает честного мудрого политика, что отражается как в личных письмах к нему, так и в тоне и словах газетных комментаторов. Состояние здоровья Дж. Фостера Даллеса ухудшается...

Преемником будет его заместитель и давний сотрудник Кристиан Хертер, человек блестящих способностей, но тоже находящийся на склоне лет и страдающий хронической болезнью. Он ходит на костылях. Будет ли он способен заменить ушедшего на покой, или он только заместит его?

Между тем, политическая картина мира не дает повода думать об успокоении. Вооруженное восстание против коммунизма в Тибете продолжается и, вопреки ожиданию, из Индии слышен голос, не дающий основания полагать, что сосуществование между Индией и Красным Китаем действительно так же нерушимо, как Гималаи. Если в этом смысле недавно в Калькутте говорил представитель Красного Китая, то Неру теперь стал говорить о сочувствии Индии к восставшим тибетцам, борющимся за свою свободу.

В Пекине происходит съезд Верховного Совета, где между прочим обсуждается вопрос о перемене мест слагаемых, т.е. об уходе Мао с поста президента. Но что бы там ни говорили, в кулуарах больше будет говориться о головной боли, которую китайским коммунистам дает восстание в Тибете. Пусть даже в Пекин на поклон явился Панчен Лама, пусть он оптом и в розницу продавался коммунистам, обещающая вскоре водворит "спокойствие" в Тибете. Уже то, что восстание, сначала казавшееся эпизодом, продолжается более месяца, говорит о серьезности положения, перед которым стоит китайский коммунизм.

Впрочем, не нужно думать, что дела коммунизма идут плохо. Он твердой поступью продолжает свое наступление

в Ираке. Там проведена коммунистическая реформа: распушена регулярная армия, очевидно представляющая парник для развития антикоммунистических настроений и сил. На месте упраздненной регулярной армии создается нечто вроде народной милиции. Командовать ею будут добровольцы из СССР, доставленные в Ирак на пароходах под видом курдов. Сколько-то курдов в рядах тысяч этих "добровольцев", вероятно, есть, но спрашивается: все ли они умеют говорить по-курдски?

Конфликт коммунистических и антикоммунистических настроений на Ближнем Востоке продолжается, хотя последнее время не слышно резких заявлений с той или с другой стороны. Словно бы чашки весов колебались, не зная куда склониться, какой стороне дать перевес. На этих днях, однако, упал тонкий луч света, осветив небольшой участок затемненной картины. Англия и Америка дали формальное заявление в том смысле, что они гарантируют суверенность Иордании, как известно, стоящей вне конфликта между тенденциями самостоятельности Арабского мира, возглавляемого Нассером, и арабским коммунизмом, плетущим свои сети из Ирака. Король Иордании Хусейн заявляет о своей решимости держаться на стороне стран свободного мира.

Неясной осталась и картина дипломатического конфликта в Аргентине. По поводу высылки из Аргентины некоторых чиновников советского посольства, посол СССР Костылев сделал заявление журналистам, объяснив, что советские посольские чиновники действовали исключительно в пределах своих функций и что высылка их из Аргентины есть акт недружелюбности. Фактически в этом заявлении прозвучал протест посла СССР против действий правительства Аргентины.

Как бы в ответ на это Президент Аргентины А. Фрондиси заявил на пресс-конференции, что правительству известно о существовании подпольного плана для организации беспорядков в стране, и довольно ясно дал понять, что беспорядки 3-го апреля в Буэнос Айресе связаны с деятельностью "некоторых дипломатов". Военное положение в стране продолжено и коммунистической партии запрещена всякая деятельность.

Можно полагать, что между дипломатией западного мира и дипломатией мира коммунистического существует некоторое недопонимание относительно функций дипломатов и исполнения ими поручений, вменяемых им в обязанность со стороны их посланцев. Мы не знаем всего, что произошло, но мы знаем, что каждый член коммунистической партии обязан всячески содействовать осуществлению мировой коммунистической революции. В этом духе звучит пункт устава коммунистической партии (или — программы?), тот самый, из-за которого начался раскол между большевиками и меньшевиками на 2-м съезде партии. Как известно, большевики стоят у власти в СССР и было бы удивительно, если бы они, в силу партийной дисциплины, не отзывались бы деятельной помощью на всякую возможность содействовать коммунистическому перевороту там, где они находятся. И очень удивительно думать, чтобы советские дипломаты не принадлежали к коммунистической партии, что и определяет их нормальные функции. Да простит нам читатель то, что вместо описания фактов, мы здесь уклонились в замечания по вопросам теории.

Вернемся к фактам.

Наше суждение о том, что конференция министров иностранных дел, имеющая собраться в Женеве 11-го мая для решения Берлинской проблемы, стоит перед вопросом неразрешимым, начинается находить себе подтверждение и в голосах широкой печати. Здесь пишут:

"Перспективы конференции Запада и Востока уже становятся проблематичными". Недавно группа политических деятелей Англии и Сев. Америки высказала соображение, чтобы Берлин был целиком выделен и передан в власть ООН и под охрану вооруженных сил этой мировой организации, блюстительницы мира во всем мире. Западные немцы не склонны объединяться с Панковской властью. Отто Гротеволь, Панковский премьер, заявляет, что воссоединение Германии возможно только после заключения мирного договора. Он тре-

"ПОЭТ ЗАМУЧЕННЫХ"

12-го апреля с. г., в Доме Русских Белых был прочитан О. В. Филипповой доклад о жизни и литературном творчестве Б. Л. Пастернака. Прекрасно составленный, горячо и проникновенно прочитанный он с большим интересом и неослабевающим вниманием был прослушан многочисленной аудиторией, наполнившей помещение "ДРБ".

Пред нами встал, как живой, образ Б. Л. Пастернака со дней его юности, в Москве, в доме его отца, известного художника импрессиониста, — где собиралась вся передовая группа молодых поэтов, художников и музыкантов. Здесь можно было встретить Блока, Маяковского, А. Белого, Рахманинова, Скрябина и многих других. Постоянное общение с представителями нового течения в искусстве и поэзии наложили свой отпечаток на первые шаги литературного творчества Б. Л. Пастернака и на весь крестный путь его жизни, под постоянной угрозой преследования со стороны советской власти, весьма неблагоприятно относившейся к его растущей популярности в особенности среди молодежи, боготворившей его и неизменно перенаполнявшей места его публичных выступлений.

Б. Л. Пастернак не шел на уступки своей совести, когда Союз Писателей, во время процесса Тухачевского, собрал подписи для письменного выражения одобрения кровавой расправы — он наотрез отказался дать свою подпись несмотря на слезы своей жены, ожидавшей в то время ребенка и умолявшей его подумать о своей семье и пойти на компромисс ради их спасения. Это и многие другие подобные факты ясно обрисовывают личность этого крупного человека и его огромный духовный рост, о чем ярко свидетельствует и его поэзия последнего времени. — "Душа моя печальница", "Гамлет" и особенно сильное и христиански глубокое стихотворение "Гефсиманский Сад".

Заканчивая свой блестящий доклад О. В. Филиппова привела выдержки из писем Б. Л. Пастернака к своим загнанным друзьям.

"Я верил, что после войны Россия вступит в новый период; что-то должно возникнуть; новое мировоззрение, новое знание человека о его собственных силах и его собственной ценности. Отдельные мероприятия не имеют значения, новое все равно продолжает зреть, несмотря ни на что, это новое растет органически в народе".

"Меня уже больше не будет. Будет много перемен. Это не будет возврат к времени отцов и их предков, что и не нужно. Но благодарное, творческое и великое, после долгой разлуки, наконец, появится снова, — ваша жизнь тогда будет самой лучшей, самой плодотворной, самой счастливой. Вспомните иногда об мне". Пастернак.

Г. Эрдели

бует демилитаризация Берлина и превращения его в вольный город. Панковские немцы настаивают также на создании демилитаризированной зоны внутри Германии по программе Хрущева и требуют заключения пакта о ненападении между НАТО и его советским "партнером" — Варшавским пактом, а также сокращения вооруженных сил союзников в Германии и других странах Европы.

Принимая во внимание, что с Запада по поводу таких предложений Хрущева уже делались заявления, что Хрущеву самому в таком случае надо вывести свои войска из стран Восточной Европы, заявление Гротеволья вносит в общую картину резкие штрихи для понимания, что "Женева" не сулит ничего хорошего в смысле взаимопонимания.

Плод незаконной и противоестественной любви между свободными демократиями и коммунизмом, возникший в дни прошлой войны, заканчивает свое эмбриональное развитие. Акушерки мировой политики должны готовиться принять страшного ублюдка, уже потрясающего мир полетами ракетных самолетов и сателлитов.

Между тем сосуществование продолжается. Вице-Президент Соед. Штатов Р. Никсон собираются ехать в Москву для участия в открытии там американской промышленной выставки. Эту поездку он использует также и для встреч с политическими деятелями СССР, надеясь выяснить их точку зрения о возможности урегулирования всех конфликтов.

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso
Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY
Monroe 4219, Buenos Aires, Argentina
Телефон 52-7426

ПРЕДСТАВИТЕЛИ AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8408
Correio Central, Sao Paulo.
Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Correo Central Clasificador F 456, Santiago de Chile.
Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24, Quinta Coromoto (Club Ruso), Caracas.
Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M.P. O. C. Dirección General de Vialidad, Alberdi esq. Gral. Diaz. Asunción.

U. S. A.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave. San Rafael, Calif. USA.
Mr. A. Klushkin, 196 — 6-th Ave, Apt. B. San Francisco 18, Calif.
Russian Book Store "Russ", 443 Balboa Str., San Francisco 18, Calif.
Mr. M. Maltzoff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.
The Russian National Book Store, 327 E 14-th St. New York 3. N. Y.
Allies Book Shop, 3456, Broadway, New York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 St. Edmonton, Alta.
Mr. A. Kostyria, 6 Argyle St., Toronto 3, Ont.
Mr. André Alpatoff, 11961, rue Poincaré. (Bordeaux), Montreal (P. Q.)

EUROPE

Belgique: Librairie et Bibliotheque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles
France: Mr. A. Krivocheff, "Kama" 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.
Germany: Frau J. Seuberlich, Wolfsburg Postfach 142
Grèce: Mr. Filatoff, Rue Dedalou 36, Athènes.
Holland: Mej. A. Loeper, Anna Str. 1, Oosterbeek

AUSTRALIA

Mrs. E. Parker, 28 Queen Bess Str. Brisbane, Brisbane, Q.-d.
Polyglot Book Depot, 256 Collins Str., Melbourne C 1.
Mr. M. M. Spassovsky, 8, Richmond Str. South Wentworthville, N.S.W.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ

и поступил в продажу труд Южно-Американского Отдела Института по исследованию проблем войны и мира имени ген. проф. Н.Н.Головина. —

РОССИЙСКИЕ ОФИЦЕРЫ

Цена — в Аргентине — 30 песо
В остальных странах — 0.75 ам. дол.
Заказы адресовать в редакцию "Нашей Страны".

В День Светлого Христова Воскресения
3-го мая, от 17.30 до 18.30 час.

слушайте

ПАСХАЛЬНУЮ ПРОГРАММУ по РАДИО-НАЦИОНАЛЬ

на волнах 870 и 15.345 клц. в сек.

Начиная с 19 сего апреля
каждое ВОСКРЕСЕНЬЕ от 20 до 20.30 ч.

слушайте

ПЕРЕДАЧУ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ
по RADIO PORTEÑA — LS4

Сателлиты продолжают вращаться вокруг земли. Их сигналы вызывают смешное чувство восторга и ужаса предстоящих бедствий. Пусть спадают вода от беспомощности человека перед стихией живо остается в душе, и когда наблюдаешь за тем, как поднимается уровень воды напряжения мировой политики, невольно мыслишь о тех днях, когда люди будут говорить горам: "покройте нас..."

Наблюдатель